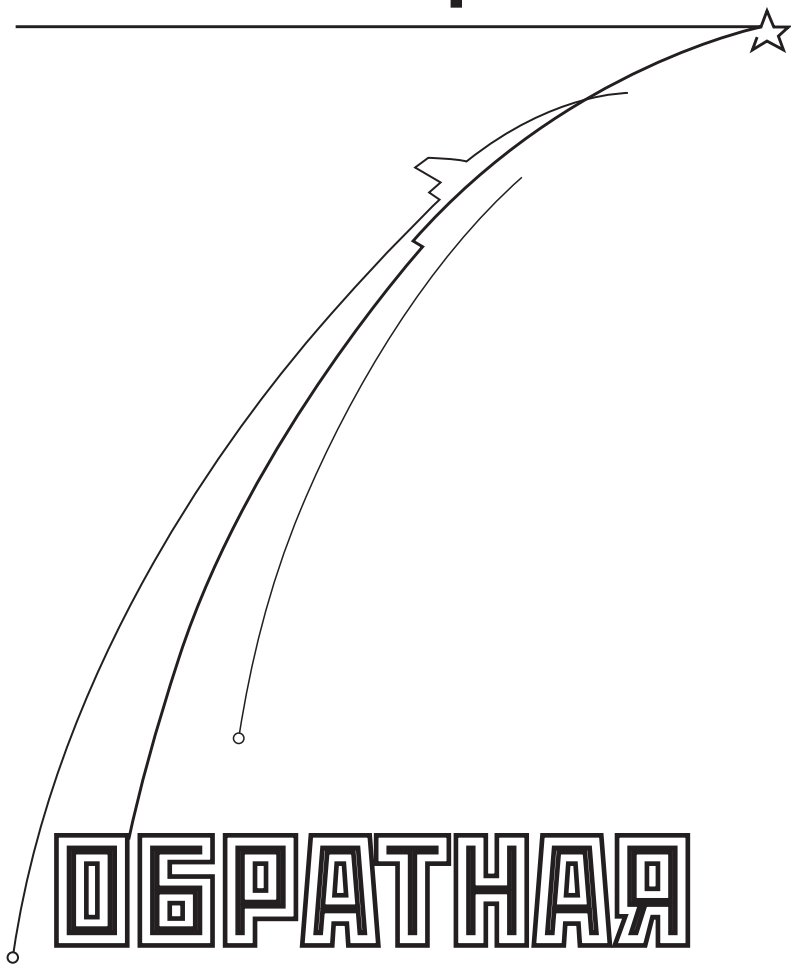

Феликс Мещанский

**ОБРАТНАЯ
СТОРОНА**

БОСТОН • 2009 • BOSTON

Феликс Мещанский

Обратная сторона

Felix Meschansky

Obratnaya Storona (The Invisible Side)

Печатается по оригинальному авторскому тексту

Copyright © 2009 by Felix Meschansky

All rights reserved.

No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder.

ISBN 978-1-934881-18-7

Library of Congress Control Number 2009936165

M•GRAPHICS PUBLISHING

www.mgraphics-publishing.com

info@mgraphics-publishing.com

Дизайн обложки: © П. Крайтман

Фото автора на обложке — фотограф-художник С. Рогозин

Фотографии приложения — из личного архива автора.

Printed in the United States of America

by Kase Printing, Inc., Hudson, NH 03051

*Памяти А. А. Изотова,
выдающегося ученого,
моего учителя в науке и в жизни,
посвящаю*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Научные идеи, инженерно-технические решения эпохи «штурма космоса» рождались и разрабатывались в стенах научно-исследовательских институтов и конструкторских предприятий. Реализация невиданных по размаху и сложности проектов осуществлялась на крупнейших заводах страны. Их завершением были работы на полигонах, где помимо пусконаладочных операций выполнялись сложные эксперименты и, наконец, происходили главные события. Автору в течение более тридцати лет доводилось быть участником и очевидцем всех этих этапов.

Первую часть книги составили рассказы, относящиеся к разным по времени и месту сюжетам и событиям, связанным с полигонными испытаниями.

Вторая часть содержит один только рассказ, действие которого разворачивается на протяжении многих лет. В отличие от предыдущей части, здесь описывается весь путь от научных и инженерных идей до реализации двух больших проектов, результатом чего явился Центр Дальней Космической Связи.

Автор не пытался быть объективным летописцем событий ракетно-космической эпопеи, в повествование привнесено много сугубо личного.

Название книги, совпадающее с названием одного из рассказов, содержит в себе, как поймет читатель, определенный иносказательный смысл.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОБРАТНАЯ СТОРОНА

ЛЮДИ И РАКЕТЫ

21 августа 1957 года был осуществлён запуск первой межконтинентальной баллистической ракеты, предопределивший рождение первого искусственного спутника Земли, то есть начало космической эры.

В тогдашних репортажах в соответствии с известным тезисом о печати, как об оружии партии, малый объём полезной информации растворялся в большом объёме пропагандистского шума. Допущенные к месту событий немногие журналисты были в положении гостей высокого начальства. Они имели смутное представление о реалиях жизни десятков тысяч инженеров, заводских рабочих, офицеров и солдат, «рядовых» представителей науки. Если позднее и появились апокрифические портреты видных участников событий, то фоном служили какие-то бледные тени инженеров, учёных и рабочих.

Фундаментом исторических событий были новаторские решения и разработки, их промышленная реализация. Опубликованные в пост-советское время мемуары видных творцов техники — летопись этих грандиозных свершений. В то же время тема жизни и работы вне стен НИИ и КБ, то есть на полигонах, занимает в литературе более скромное место и, похоже, не находит своего бытописателя.

Мне хотелось бы дать хотя бы фрагментарное представление об этой жизни. Показать и теневую её сторону, какой предстала она перед массами непосредственных участников событий. Пишущему эти строки довелось трудиться сначала на пункте радиоуправления ракетой, расположенном к югу от стартового комплекса, а потом уже в непосредственной близости от старта.

Но сначала — чуть-чуть истории. В конце войны советской армии удалось захватить заводы, производившие ФАУ-2, то есть первые в истории ракетной техники баллистические ракеты, чуть было не изменившие в известный момент самый ход войны. Захватили и специалистов. Но, как потом оказалось, второстепенных и нередко к тому же враждебно настроенных. Попытки продвинуться вперёд в ракетной технике с их помощью потерпели провал.

Между тем, бывшие наши союзники успели увезти за океан самого автора ФАУ — Вернера фон Брауна с его «мозговым трестом». Им предоставили самые благоприятные условия для продолжения работы.

Русским, таким образом, ничего не оставалось как начинать сначала, притом своими силами. Нужно заметить, что ФАУ-2 имели много серьёзных недостатков. Половина ФАУ-2 взрывалась в воздухе или не долетала до цели, а долетевшие имели разброс порядка десятка километров. Это было не стратегическое оружие, а средство для варварских «ковровых бомбардировок» мирного населения. Ну, а дальность в две сотни километров к середине XX столетия уже считалась небольшой. Сказанным хочу подчеркнуть, что путь от ФАУ-2 до созданных в СССР стратегических ракет огромный.

Наши ракетчики были далеко не новичками. Но остро ещё сказывался страшный урон, нанесённый сталинскими чистками. Возвращались из заключения уцелевшие специалисты высшего звена, в их числе Королёв, Глушко... Было очень трудно, но отсутствие чужих разработок заставило идти своим путём, который привёл к ошеломляющему успеху. В то время, как Вернер фон Браун с сотрудниками занимался дальнейшей разработкой прежних своих идей, в СССР в муках пришли к принципиально новой концепции межконтинентальной баллистической ракеты (МБР).

Так вот и случилось, что мы обогнали Америку. После этого в течение нескольких лет напряжённого и грандиозного по своим масштабам соревнования нам удавалось удерживать лидерство. Всех нас — участников космической эпопеи захватил азарт этой гонки. Более того, мы всё время чувствовали, что своими руками как бы творим историю. Счастлирое время!

К этому периоду и относится мой рассказ.

В ту пору решение каждой очередной задачи было сопряжено с интенсивной, порой самоотверженной работой. От многих тысяч людей, находящихся в довольно трудных бытовых условиях, требовалась максимальная отдача. Что же удерживало эти тысячи на необустроенных полигонах, в нездоровом и непривычном климате? У обывателя бытовало расхожее представление о неких засекреченных людях, гребущих бешеные деньги, катающихся, как сыр в масле. Было это совсем не так, на чём остановлюсь подробнее.

Среди ведущей научно-инженерной прослойки был несомненно и бескорыстный энтузиазм, энтузиазм первопроходцев, создателей совершенно новой невиданной техники. Сошлюсь на признание отца советской водородной бомбы А.Д. Сахарова, очень точно отражающее чувства и мысли людей, оказавшихся в то время на переднем крае разработки сверхоружия: «...обстановка Объекта... в немалой степени психологически способствовала той поглощённости работой, которая... была определяющей в жизни многих из нас. Мы видели себя в центре огромного дела, на которое направлены колоссальные средства, и видели, что это достаётся людям, стране очень дорогой ценой. Это вызывало, как мне кажется, у многих чувство, что жертвы, трудности не должны быть напрасными... При этом в важности, абсолютной жизненной необходимости нашего дела мы не могли сомневаться.» Андрей Дмитриевич искренне верил тогда, что создаваемое поистине дьявольское оружие станет в руках советского руководства... инструментом сдерживания войны. То же самое повторилось и с нами — участниками создания межконтинентальной баллистической ракеты, тем более, что совпало это по времени с хрущёвской «оттепелью», временем больших надежд. Признаюсь, что греха таить, льстило нам и оказанное доверие*... Большинство людей моего круга, достаточно уже разобравшись в сущности построенной «моде-

* Как иллюстрация, мой случай: беспартийный, более того, каким-то образом избежавший даже членства в комсомоле, к тому же ещё еврей. И вдруг — высший по тому времени допуск к секретам (здесь и далее прим. автора)

ли социализма», оставались, скажем так, лояльными гражданами страны.

Каждый из нас был поглощён своим кругом технических проблем. А помимо проблем, так сказать, магистральных возникали на каждом шагу какие-то текущие технические задачи. Сперва пытаешься, бывало, отыскать решение в арсенале старых средств и методов. Поиск приносил иногда отличные результаты, подтверждая известную формулу: новое, это хорошо забытое старое. При этом приходилось, конечно, что-то дорабатывать. Плодотворными оказывались порой экскурсы в смежные области науки и техники. Но многое требовало принципиально новых решений. Удачное решение доставляло немалое удовлетворение. За этими увлекательными поисками, горечью временных неудач, радостью находок и озарений мы как-то переставали видеть конечный результат — страшное оружие. Помню чувство ужаса и растерянности, охватившее нас, когда мы увидели в чьи руки оно попало. Но это случилось позже, во время Карибского кризиса, когда Никита Хрущёв едва не спровоцировал войну с Америкой.

А командовала нами особая категория лиц, выражаясь современным языком, менеджеров. Характерной чертой большинства из них была озабоченность прежде всего собственной карьерой. Из научно-инженерной среды карьеру делали так называемые Главные конструкторы, их замы или их полномочные представители. Как известно, сам С.П. Королёв именовался Главным Конструктором. А пониже имела место масса вариаций: Главный конструктор — руководитель предприятия, руководитель комплекса, технического направления, руководитель разработки отдельного изделия. Было среди них немало талантливых организаторов, а изредка даже генераторов свежих технических идей. Если же говорить о чём-то общем, характеризующем всех их, то это основополагающий принцип — быть в надлежащий момент в нужном месте и суметь сказать нужное слово власти поддерживающему. У военных тут была своя специфика. Перед лицом создаваемой совершенно новой техники советский генералитет выглядел беспомощным и безграмотным. Вот и выдвигались молодые, в небольших чинах толковые офицеры,

представительствовавшие за военное руководство и являвшиеся связующим звеном между этим руководством и «промышленностью»*. Многие из этих ребят отбирались в армию Министерством обороны из лучших технических вузов страны. В середине пятидесятых годов познакомился я с одним из таких офицеров. Был он в ту пору обаятельным старшим лейтенантом. Но перед ним, бывало, суетились и заискивали солидные полковники. Он знал дело, разбирался в технике и в людях, а также обладал даром преподнести начальству информацию в нужном ключе. Звездочки на его погонах менялись быстро, чувствовалось, что его ожидает блестящая карьера. В семидесятых он был уже генералом. Время от времени на наших руководителей опускалось, как у нас шутили, облако золотой космической пыли — чинов, званий, привилегий. Была при этом у получателей иногда некоторая закулисная возможность выбора. Скажем, Ленинская премия или учёная степень доктора наук без защиты. Приятель мой скромно выбрал доктора наук, объяснив в кругу близких, что премия не убежит. И ведь не ошибся, поскольку практика «беззащитного» присуждения степеней (новация Никиты Сергеевича) продержалась недолго. Кстати, термин «беззащитный доктор» кроме его, так сказать, первоначального значения обрёл постепенно в нашей среде ещё ряд оттенков: невежда, прохиндей и т. д. в этом роде. Поговорка: «Не знаю, я ведь не доктор» получила новую редакцию: «Что вы от меня “беззащитного доктора” хотите?» — фраза, брошенная в сердцах одним из таких учёных в ходе обсуждения запутанной технической проблемы.

Оружие, как водится, создавали не военные...

Мне всё же хочется сказать несколько слов о военных, контакты с которыми были многообразны. Прежде всего, о «гражданских военных». Это удивительное словосочетание родилось на полигонах, изобрело его местное население. Так аборигены называли офицеров, направленных в «промыш-

* «Промышленность» — на жаргоне военных это подразумевало широкий круг невоенных организаций: КБ, НИИ, заводы-изготовители техники, монтажные организации.

ленность» для непосредственного участия в разработке техники. Многие, как уже было сказано, были выпускниками гражданских вузов. Работали они наравне с нами, ходили в штатском и порой, казалось, забывали о своей принадлежности к военному ведомству. Вот и появились у нас наименования типа «гражданский майор» или «гражданский капитан». Это были, в основном, толковые и работающие ребята. Другой контингент военных — представители заказчика, в просторечии — военная приёмка. Отношения между представителями «промышленности» и «заказчика» имеют много оттенков. Расхожее мнение первых о последних можно выразить одним словом: бездельники! Это несправедливо. Мне лично случилось общаться со знающими и работающими представителями заказчика, хотя и бездельников в этой среде попадалось немало. Всеобщим уважением пользовался у нас Исаак Аронович Липкин. «Лучше всех знает весь комплекс радиоуправления!» с восхищением говорили о нём гражданские инженеры. Будучи у истоков ракетно-космической техники, он уже в пятидесятых имел звание подполковника, но и спустя двадцать лет дальше полковника по причине пятого пункта так и не дослужился, впрочем, уже по выходе в отставку защитил докторскую. Выше него в представительстве заказчика сидело порядочное дубьё. Помню, задумали мы как-то проучить одного из них, чем-то нам насолившего. (Замечу, что возможности напакостить друг другу имелись у каждой из сторон). Мы заранее предвкушали, как генерал такой-то у нас «завертится». «Ребята — взмолился Исаак Аронович, — прошу вас, не делайте этого! Представьте себе, что я с некоторой скоростью вращаюсь вокруг моего начальника. С какой же скоростью придётся мне возвращаться после того, как с вашей помощью он завертится сам?»

Вокруг нас на полигоне были молоденькие военные инженеры, которым в будущем предстояло работать с нашей техникой. Они проходили стажировку у разработчиков. Вот и мне, штатскому человеку, пришлось на первых порах играть роль командира расчёта, в котором вместе со своими солдатами обучались офицеры. Свидетельствую, что все знаменитые первые пуски, включая «лунники», полёты Ю. Гагарина, Г. Ти-

това, обеспечивались силами гражданских специалистов. А техника ещё даже не была сдана заказчику. Ей предстоял затем путь на далёкий север вместе с офицерами — бывшими нашими стажёрами.

Я, однако, отвлёкся от разговора о стимулах. Ведь не на одном же энтузиазме всё держалось. Что касается нашей зарплаты, то ничего сверхестественного не наблюдалось. Оклады были приличные, поскольку все причастные к ракетно-космической тематике предприятия относились к высшей категории. Однако, не такие это уж были деньги, чтобы из-за них стоило расшибиться в лепешку. Иное дело — командировочные. Это были весомые деньги, поскольку, в отличие от общепринятого, размер суточных был вдвое выше при том, что сроки командировки вообще не лимитировались. Сергей Павлович Королёв, в просторечии С.П., придавал материальному стимулу большое значение. Всяческие добавки к зарплате, связанные с пребыванием на «объекте», носили регулярный характер. Замечу, что расходы в командировке были минимальны. Питание на уровне солдатского было скверным, но стоило копейки. А купить какой-то другой еды было просто негде. Пьянство, несмотря на официально установленный сухой закон, процветало, но было бесплатным — пили технический спирт. В таких условиях не могла не сформироваться довольно значительная прослойка паразитов, сидевших на полигоне безвыездно. Эта категория трудящихся изобиловала алкашами — начинающими и законченными, людьми просто любящими деньги и жадными патологически. Некоторые месяцами сидели без дела, пользуясь неосведомлённостью администрации своего предприятия и попустительством местного начальства. У этой публики командировочный быт и режим стал нормой. Перспектива возвращения к работе от звонка до звонка на родном предприятии приводила их в ужас. Но ещё страшнее для них была мысль оказаться вне спиртового довольствия.

Спирт. Трудно обрисовать многогранность этого аспекта командировочной жизни. Выпивка была практически единственным способом разрядки. К этому примыкала и проблема питания. Оно было порой таким несъедобным, что мы по

несколько дней воздерживались от посещения столовой, перебиваясь на чае с сухарями. Бывало, выдержишь неделю такого поста и отправляешься в экспедицию за едой. Мероприятие выглядело так. Сперва добираешься до железной дороги, это километров 7–8. Станция маленькая, но поезда на ней задерживаются на целых двадцать минут для заправки водой. Тепловозы, а затем электровозы — это появилось позже. Сначала изображаешь прогуливающегося по перону пассажира (для чего одевались попримечнее, но по-домашнему). Поезд трогается, пассажир впрыгивает на подножку вагона-ресторана. До следующей остановки — в одну сторону Кзыл-Орда, в другую Яны-Курган — езды часа два. Всё это время и проводишь в вагоне-ресторане, заказывая всё, что душа пожелает. Неприятно было, конечно, потом часами дожидаться обратного поезда.

Жили мы группами от трёх до десяти человек в комнате, обычно связанных либо общей работой, либо командированных из одной фирмы. Каждый такой маленький коллектив исхитрялся время от времени добыть какую-то, порой экзотическую еду. То посчастливится подстрелить сайгака, то купить у казахов выловленного в Сыр-Дарье сома-гиганта. Стреляли и ловили силками зайцев, собирали черепах. Добыча давала естественный повод к выпивке. Для отдельной компании такие праздники случались не часто. Но, например, в двух наших гостиницах (длинные «сборно-щелевые» бараки) в любой день в какой-то из комнат какая-нибудь группа трудящихся что-то отмечала. Любители «поддать» нюхом отыскивали нужную комнату и плавно вписывались в застолье.

Не буду уточнять количественную сторону, читатель всё равно не поверит в физическую возможность выпивать столько. Любопытна, однако, сама процедура получения вожделенного продукта. Технический спирт поступал на склад войсковой части, а затем распределялся по «изделиям». Каждый поставщик или эксплуатационник периодически представлял в штаб части расчёт потребности в спирте — хитроумный документ с указанием в квадратных сантиметрах площадей всех подлежащих обработке спиртом поверхностей, сроков профилактики и проч. Расчёт нередко носил откровенно из-

девательский характер, обосновывалась чуть-ли не необходимость «промывки оптических осей», а астрономические числа квадратных сантиметров отшибали всякую охоту вникать в бумагу. Повздыхав над документом, ведающий спиртом офицер задавал в конце-концов прямой вопрос: «Слушай, а сколько же у тебя народу-то?» После этого начинали торговаться по-деловому, ориентируясь не столько на бездушную технику, сколько на живых людей.

Нарисованные мною картины сурового быта как бы подразумевают чисто мужской состав командировочного общества. Так оно и было, особенно в первые два года. С. П. Королёв, как и многие его сподвижники, был суеверен, считал, что присутствие женщины приносит неудачу. Боясь гнева С. П. Королева, участие женщин в работах на полигоне старались ограничить, особенно на стартовом комплексе. Между тем, на фирмах, создававших военную технику, женщины составляли половину коллектива. Для одиноких или не слишком привлекательных девиц пребывание на полигоне открывало неплохой шанс устроить личную жизнь, и они очень стремились туда попасть. Такой вот стимул... Впрочем, чудовищная диспропорция между количеством мужчин и женщин не способствовала ни созданию ни сохранению семей. Это стало видно, когда к нашим офицерам-стажёрам начали прибывать жёны. К старшему лейтенанту Л., белокурому красавцу, умнице, но уже, к сожалению, достаточно спившемуся, прибыла жена. Дама, как говорится, ни кожи, ни рожи. Тем не менее, и такая оказалась предметом всеобщего внимания. Вскоре начались у неё романы. Угодил в её сети и новоприбывший лейтенант, совсем ещё мальчишка. Застукав их у себя дома, муж разыграл давно уже, повидимому, подготовленный спектакль. Запер дверь, достал утюг и поставил мальчишке ультиматум. Или даёшь честное офицерское, что заберёшь красотку, или — утюгом по голове. И такой поразительный документ был подписан, более того обрёл силу. Позже, работая на старте в Тюра-Таме, встречал я эту пару, обвенчанную посредством утюга.

Прошу извинения у читателя, рассказ мой несколько уклонился в сторону. Продолжу его.

Когда начались первые пуски МБР, С. П. Королев стал платить за каждый удачный пуск...

Пункт радиоуправления МБР располагался в сотне с лишним километров от старта. Премия из Тюра-Тама доставляли нам через пару дней после пуска. Особенный ажиотаж эти премии вызывали у публики, к пуску отношения не имеющей. Помню команду алкашей — представителей завода-поставщика... печек. Дело в том, что в типовых автофургонах — КУНГах, где размещалась радиоаппаратура, с давних ещё времён предусматривалось некое подобие буржуйки. Всякое штатное оборудование подлежит профилактическому обслуживанию, поэтому пребывание этих «печных» ребят на объекте никого не удивляло, хотя печки эти лишь занимали место, да и дров среди пустыни не сыщешь. «Печные» являлись к павильонам, где стояли радиопеленгаторы, перед самым моментом старта. В считанные минуты после него, когда ракета приближалась к активному участку, они напряженно прислушивались к гулу двигателей в антенне. Эти двигатели приводили в движение облучатели при поиске, захвате и сопровождении ракеты. Непостижимым образом они ухитрялись ставить безошибочный диагноз — удачен ли пуск, то есть будет ли премия. Эту информацию они сообщали всем заинтересованным ещё до нашего прихода с технической площадки.

Людей, подобных этим «печным», можно было наблюдать в любом коллективе инженеров, техников, рабочих. Шутки, насмешки и розыгрыши, порой жестокие, не могли погасить их страсти к дензнакам. Был такой и у нас, немолодой уже техник Василий, жадность которого была постоянным предметом розыгрышей. Излюбленным приёмом был подброс ложной информации о якобы имеющем быть в такой-то компании застолье, то есть возможности выпить-закусить на-холяву. Однако, из-за частого применения эта приманка перестала срабатывать. Мы же, задавшись целью выкурить Васюку домой, стали придумывать всё более изощрённые розыгрыши. Но даже после «случайно» обнаруженного на его койке скорпиона (заранее нами припасённого в спичечной коробке) Василий устоял. Тут произошёл случай, всех нас глубоко возмущивший. Приходит на имя нашего героя телеграмма о смерти брата, а он

в ответ: «похороны приехать невозможно много работы». Работы у него никакой не было, начальник даже уговаривал его поехать. В нашем простецком быту тайны личной переписки практически не было, содержание телеграмм стало известно всем. Начали обдумывать более крутые меры. В конце-концов остановились на плане, предложенном мною.

Предстоял пуск. Главный конструктор нашего изделия Геннадий Яковлевич Гуськов как раз зачем-то отправился в Тюра-Там, что облегчало реализацию моего замысла. Суть его состояла в фиктивной раздаче фиктивной премии по фиктивной же ведомости, в которой (и в этом была вся соль!) фамилия Василия почему-то отсутствовала. Мы собрали для этой цели всю имеющуюся на руках наличность, разложили её в пачки сообразно достоинству купюр. Шутка едва не кончилась печально. У Василия произошёл нервный срыв, он всерьёз заболел. Убедить его, что происшедшее было шуткой было невозможно. Он упорно твердил, что своими глазами видел раздачу настоящих денег. К счастью, тут вернулся Г.Я. Гуськов. Сам большой любитель розыгрышей, он со слов больного догадался о нашей проделке. Но и ему удалось всё распутать, только поклявшись, что именно он как раз и привёз настоящую премию.

Деньги. В этих почти безлюдных местах некоторые ловкачи ухитрялись, выражаясь современным языком, делать неплохой бизнес. Бизнес, имевший в какой-то степени криминальный характер.

В то время в Кзыл-Ординской области проживали депортированные в конце войны чеченцы и ингуши. После страшных первых лет, когда непривычные для горцев среднеазиатская антисанитария и ужасный климат унесли в могилу тысячи жизней, выжившие сумели адаптироваться и даже неплохо обустроиться. Проблема их возвращения, хотя и поставленная после разоблачения сталинских преступлений, оставалась сложной. Имея информацию с Кавказа о своих разорённых аулах, жилищах и землях, занятых другими горцами — кровными их врагами, они и сами не слишком торопились туда вернуться. Жили горцы обособленно. Местные жители, преимущественно казахи, панически их боялись.

Власти тоже. Кавказцы так и не вписались в советские общественные структуры, найдя свой способ заработка и даже обогащения. Занялись они выделкой каракуля, ремеслом для них традиционным. Собственно овцеводством они не занимались, предпочитая скупать по дешёвке у казахов подходящих овец перед окотом. Для этого по весне они отправлялись на горные пастбища Кара-Тау в нескольких стах километров к югу. Поскольку выделка мехов являлась монополией государства, их подпольной выделки шкурки не имели на обратной стороне надлежащего штампа. Скажем, шубу из таких шкурок можно шить только у надёжного в смысле недоносительства скорняка. В виде готового изделия товар приобретал уже легальный характер. Существовал какой-то канал переправки шкурок, их превращения в готовые изделия и сбыта последних. Уже тогда были зачатки того, что в наши дни зовётся чеченской мафией.

Наши, назовём их так, бизнесмены скупали шкурки на месте выделки, что выходило невероятно дёшево. Вспоминаю рассказ двух знакомых мне «шкурников» об их первой экспедиции. Доехав до ближайшей от нас железнодорожной станции Яны-Курган, они обратились к первому встреченному на пероне человеку в роскошной папаше. Тот поначалу сказал, что этим делом не занимается, но, поразмыслив, предложил проводить их к кунаку, который, возможно, сумеет помочь. Потом в течение нескольких часов их водили по цепочке из дома в дом. Приценивались, торговались, покупали. Иногда возникали опасения — не прирезали бы, но всё обошлось благополучно. В конце похода они оказались и в доме того первого чеченца, который якобы «не по этой части». Наиболее криминальная часть истории — реализация каракуля в Москве мне неизвестна. Один из героев этой истории стал впоследствии большим начальником, другой в то время был «гражданским капитаном». У большинства командированных подобный бизнес вызывал презрение, что, отчасти, и выражала кличка «шкурники».

Азарт стяжательства некоторым образом захватил и меня. Не стыжусь в этом признаться. Это была охота за книгами. Большинство охотников — научно-инженерная прослойка,

но попадались также молодые офицеры и изредка рабочие. Происходила широкомасштабная в рамках целого региона скупка книжного дефицита.

В ту пору заметно оживился ассортимент издаваемых книг, в особенности переводной, до этого незнакомой нам современной литературы. Появились книги Фолкнера, Кронина, Бёля. Хлынул поток переизданий развлекательно-увлекательных книг — А. Дюма, В. Скотт, У. Коллинз, Артур Конан Дойл и т. д. Стали переиздавать и популярные, но почему-то негодные партийной верхушке отечественные книги — Паустовский, Ильф и Петров, Грин... Вообще, политика партии в этом вопросе была своеобразна. В крупные культурные центры, жителями которых были командированные, поступала лишь небольшая часть тиражей. Эта малость расходилась, минуя книжный прилавок. Книги шли на периферию, где и местным издательствам разрешили переиздавать идеологически «безвредные», но пользующиеся спросом книги.

К осени 1956 года окрестные мало-мальски крупные населённые пункты, не говоря уже областном центре — Кзыл-Орде, были нами очищены от книг. Начались экспедиции за книгами в степи. Сюрпризы приносила охота в глухих, затерянных среди песков аулах. Население этот товар не интересовал. Бывало, даже не в самом магазине, а где-нибудь в подсобке среди мешков с мукой и скобяных товаров обнаруживали запылённые штабели книжной продукции. Мы покупали столько, сколько были в состоянии унести. Не забуду ажиотаж в гостинице, когда я как-то приволок целый рюкзак изданных в столице «12 стульев» и «Золотого телёнка», пришлось даже жребий бросать. Добытое в этих Богом забытых местах книжное богатство составило весомую часть библиотек моих коллег. Увы, большинства тех книголюбов уже нет в живых, а их дети и внуки вряд ли могут понять и оценить эти подвиги.

Описывая жизнь на полигоне, почему-то всё больше говоришь об экзотике, о забавном и смешном. Это не только следствие отдалённости событий во времени. Помню, возвращаясь из командировок, в таком мажорном ключе живописали мы коллегам по работе прелести полигонной жизни. Красочно подавали экзотику, наши выезды на охоту и рыбал-

ку, а работа и всяческие бытовые лишения оставались в тени. И наши слушатели из стен КБ, лабораторий и заводских цехов мечтали отправиться в эти гибельные края. Романтика, желание быть очевидцами и участниками событий поистине исторических, а для некоторых, что греха таить, заработать денег были их стимулами. А в целом было всё не столь уж забавно и романтично. Сейчас, спустя много лет, вспоминая с улыбкой дни на полигоне — дни молодости, трудно отделаться от какого-то чувства горечи. Сколько же народу оттуда не вернулось, сколько спилось, было физически и морально искалечено, не смогло потом вписаться в нормальную жизнь! Такова уж, видно, судьба России — платить за всё самую страшную цену.